414 01/15

44 01/15

44 01/15

Рус. Старина 1884 г. т. 43.
44 01/15
39822
11-V-1925

ВЗАИМНЫЯ ОТНОШЕНІЯ РУСИ И ПОЛЬШИ

до половины XIV ст.

Диссертація И. А. Линниченко на ученую степень магистра.

Кандидатъ кіевскаго университета И. А. Линниченко защищалъ 13 мая 1884 г. въ с.-петербургскомъ университетѣ диссертацію на степень магистра русской исторіи (подъ заглавіемъ „Взаимныя отношенія Руси и Польши" до половины XIV ст., ч. I. Русь и Польша до конца XII в.) и защищалъ блистательно, отразивъ съ глубокимъ знаніемъ своего предмета замѣчанія, сдѣланныя ему оффиціальными оппонентами—проф. Ламанскимъ и доцентомъ Замысловскимъ. Съ большимъ удовольствіемъ печатаемъ въ нашемъ журналѣ рѣчь молодого ученаго, отъ котораго ожидаемъ еще много хорошихъ трудовъ на пользу нашей науки. Порукою въ томъ, что это ожиданіе исполнится, служатъ какъ настоящій трудъ автора, такъ и то общее научное направленіе, представителемъ котораго онъ является: послѣдній изъ его тезисовъ къ диссертаціи (см. ниже) указываетъ на то, что авторъ, не пренебрегая детальными изслѣдованіями, необходимыми какъ подготовительная работа ко всякому научному труду, не смѣшиваетъ однако же учености съ буквоѣдствомъ, а заключеніе его рѣчи убѣждаетъ въ томъ, что онъ будетъ избирать для своихъ работъ вопросы наиболѣе жизненные и интересные, такъ какъ молодой ученый энергически протестуетъ противъ мнѣнія тѣхъ, которые недостатокъ историческаго вкуса въ выборѣ темъ для изслѣдованій и таланта при ихъ обработкѣ прикрываютъ совершенно ложною и вредною теоріею, будто историческая наука должна совершенно игнорировать требованія жизни. Ред.

Рѣчь И. А. Линниченко, произнесенная имъ въ с.-петербургскомъ университетѣ предъ диспутомъ на степень магистра русской исторіи

13-го мая 1884 г.

Милостивыя государыни и милостивые государи! Съ историческими событіями повторяется весьма часто то же, что и съ отдѣльными личностями: какъ въ обществѣ вниманіе всѣхъ сосредоточивается на выдающихся геніальныхъ личностяхъ, такъ точно и изъ массы событій прошлаго историковъ обыкновенно привлекаютъ громкія, выдающіяся изъ ряда событія. Результатомъ такого отношенія почти всегда бываетъ: въ первомъ случаѣ преувеличеніе знанія чуть не обожаемыхъ личностей, во второмъ непониманіе разбираемыхъ событій. Обращая исключительное вниманіе на какое либо лицо, мы обыкновенно приписываемъ его дѣятельности слишкомъ много значенія, совершенно забывая о тѣхъ, болѣе мелкихъ, труженикахъ, работа которыхъ дала необходимое основаніе труду геніальнаго дѣятеля. Значеніе послѣдняго обыкновенно выражается лишь въ группировкѣ давно собраннаго матеріала, въ выдѣленіи изъ него существенныхъ сторонъ, рельефное и яркое представленіе которыхъ придаетъ имъ характеръ новизны, въ одухотвореніи накопленнаго массою предшественниковъ матеріала, въ смѣломъ признаніи того, что прежде высказывалось робко и нерѣшительно. Едва-ли можно найти въ исторіи хотя бы одного человѣка, не имѣвшаго предшественниковъ какъ въ отношеніи изобрѣтенія новаго пути для развитія человѣчества, такъ и въ отношеніи открытія средствъ къ осуществленію найденной истины.

То же самое и въ исторіи. Всякое крупное событіе подготовлялось долгой подземной работой и чтобы не ошибиться въ оцѣнкѣ его значенія и правильно уяснить его причины необходимо почти всегда оглянуться далеко назадъ.

Исключительное вниманіе къ однимъ крупнымъ, выдающимся историческимъ событіямъ имѣетъ для историка еще слѣдующую опасность. Всякое крупное событіе въ народной жизни затрогиваетъ многія стороны человѣческой жизни, поэтому отношеніе къ нему опредѣляется всѣмъ складомъ личности, его изучающей. Безпристрастіе въ отношеніи интенсивныхъ явленій природы-ли или жизни человѣческой крайне трудно: они поражаютъ чувство и умъ слишкомъ сильно. Оттого-то приговоры надъ крупными событіями всегда поражаютъ крайностью; сохранить спокойствіе въ оцѣнкѣ такихъ событій также трудно, какъ остаться хладнокровнымъ во время самаго остраго стеченія лично тебя касающихся обстоятельствъ. Единственная воз-

можность спокойно отнестись къ какому либо явленію—это привыкнуть къ нему; частое повтореніе извѣстнаго впечатлѣнія ослабляетъ его первоначальную силу, все долго ожидаемое не имѣетъ такой силы впечатлѣнія какъ неожиданное, долгій путь лишаетъ цѣль значительной доли привлекательности.

Историку-прагматику труднѣе, нежели кому другому, сохранить безпристрастіе. Сфера его изученія—прошлая жизнь въ самомъ широкомъ смыслѣ, корни настоящаго. Предметъ занятій историка затрогиваетъ почти всѣ струны человѣческой души и почти невозможно заставить ихъ молчать. Поэтому-то объективное изученіе жизни, хотя бы самой удаленной отъ современности эпохи, крайне трудно. Полное спокойствіе сохраняетъ историкъ развѣ лишь тогда, когда занимается хронологическими или генеалогическими работами, (работами,—замѣтимъ тѣмъ, кто на такія работы смотритъ съ полупрезрѣніемъ,—столь же необходимыми даже историку-философу, какъ таблица логаріемъ математикамъ). Но лишь только историкъ пытается возстановить какія-либо стороны жизни прошлаго, всѣ его симпатіи и антипатіи, всевозможныя убѣжденія начинаютъ проявлять свою жизнь и часто отражаются на его изслѣдованіи.

Сдѣлаемъ еще уступку: пока историкъ возстановляетъ одну внѣшнюю картину прошлаго, онъ еще кое-какъ можетъ держаться на объективной почвѣ. Но уже въ опредѣленіи мотивовъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ труднѣе бываетъ сохранить безпристрастіе, ибо имѣешь дѣло съ живымъ матеріаломъ. Но въ задачу историка входитъ и оцѣнка значенія какъ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, такъ и отдѣльныхъ событій и цѣлыхъ эпохъ. Въ послѣднемъ случаѣ въ трудѣ историка отразится весь складъ его умственной и нравственной жизни.

Спрашивается теперь, возможно-ли вообще болѣе или менѣе безпристрастное изслѣдованіе въ исторической наукѣ, есть-ли какія либо условія, охраняющія историка отъ излишнихъ увлеченій, отъ пристрастія, способствующія объективности историческаго изложенія?

Мы думаемъ, что такія условія, охраняющія въ значительной мѣрѣ истину историческаго изслѣдованія, существуютъ. Не говоря уже о томъ, что всякое крайнее мнѣніе всегда столкнется съ другимъ крайнимъ и дастъ въ результатѣ среднее, болѣе вѣрное, мнѣніе, укажемъ на два, по нашему мнѣнію важныхъ условія, способствующія правдѣ историческаго изложенія.

Мы думаемъ, что значительнымъ тормазомъ увлеченіямъ историка всегда служитъ художественное чутье; историкъ тоже художникъ и каждая фальшивая нота въ изображеніи прошлаго претитъ ему также сильно, какъ дисгармонія музыканту. Во всякой каррикатурѣ

есть предѣлъ, за который не позволитъ художнику перейти именно его артистическое чутье, которое въ своей сущности есть ничто иное, какъ инстинктивное стремленіе къ правдѣ, къ вѣрному изображенію дѣйствительности. Намъ кажется, что эта художественная мѣра играетъ въ каждомъ историческомъ изслѣдованіи болѣе значительную роль, чѣмъ обыкновенно думаютъ: артистическое чувство всякаго художника, а слѣдовательно и историка, инстинктивно возмущается такой карикатурой, въ которой исчезаютъ совершенно черты сходства съ дѣйствительностью.

Это такъ сказать внутреннее условіе правды историческаго изложенія, какъ части художественнаго творчества.

Другое условіе для достиженія исторической правды, по нашему мнѣнію, должно состоять, такъ сказать, во внѣшнемъ пріемѣ, въ приступѣ къ изученію извѣстныхъ вопросовъ или эпохъ. Историкъ, желающій соблюсти правду изложенія, не долженъ, такъ сказать, бросаться въ самый водоворотъ историческихъ событій сразу, не долженъ браться за изображеніе крупныхъ историческихъ событій, не изучивъ условій, вызвавшихъ ихъ. Это предварительное изученіе, помимо полной его необходимости для правильнаго пониманія событій, охладитъ увлеченія автора. Этотъ внѣшній пріемъ играетъ въ отношеніи увлекающагося историка ту же охлаждающую роль, какую имѣетъ болѣе или менѣе значительное время, протекшее между сильнымъ аффектомъ человѣка и появленіемъ объекта его страсти.

Все сказанное объясняетъ, почему при изученіи взаимныхъ отношеній Руси и Польши я началъ ab ovo, съ сѣдой древности. Говорить о важности изученія отношеній такихъ двухъ народовъ, какъ Русь и Поляки, народовъ, имѣвшихъ рѣшительное вліяніе на историческую судьбу одинъ другаго, едва-ли нужно. Но я, надѣюсь, нисколько не ошибаюсь, когда скажу, что эти отношенія изучены пока весьма плохо какъ съ точки зрѣнія фактической, такъ и со стороны безпристрастнаго къ нимъ отношенія. Причина этого, помимо понятныхъ увлеченій политикой у историковъ русскихъ и польскихъ, кроется, кажется мнѣ, въ значительной степени въ томъ обстоятельствѣ, что какъ русскихъ, такъ и польскихъ историковъ привлекали обыкновенно явленія наиболѣе рѣзкихъ столкновеній Руси и Польши, какъ казацкія войны и апогей религіозной борьбы православія съ католицизмомъ XVI и XVII вв. Отношенія обоихъ народовъ за предшествующее время изучены пока весьма плохо, а въ этихъ-то отношеніяхъ и кроется объясненіе яркихъ явленій XVI и XVII вв. Думаю, что только изученіемъ предшествующей, правда не столь яркой эпохи, только и можно достигнуть правильнаго пониманія

послѣдующихъ явленій самаго остраго столкновенія двухъ родственныхъ народовъ и опредѣлить степень ихъ вліянія другъ на друга.

Я положилъ себѣ слѣдующую задачу: опредѣливъ основныя черты сходства и отличія культуръ Руси и Польши, прослѣдить постепенную замѣну русскихъ началъ польскими въ присоединенныхъ Польшей русскихъ областяхъ. Такимъ образомъ центромъ моей работы должна была стать 2-я половина XIV в. и вѣкъ XV. Естественно, однако, у меня должно было явиться желаніе разсмотрѣть отношенія Руси и Польши и до XIV в., т. е. за время самостоятельнаго существованія обоихъ государствъ, особенно въ виду существующаго въ нѣкоторой части польской литературы мнѣнія, что южная Русь въ теченіи XIII и первой половины XIV в. успѣла уже значительно ополячиться, такъ что переходъ ея подъ польское владычество былъ совершенно естественъ. Разборъ отношеній Руси къ Польшѣ за до половины XIV вѣка я предполагалъ предпослать моему основному труду въ качествѣ введенія.

Однако съ моей работой произошло то, что обыкновенно бываетъ съ работой каждаго ученаго, вступающаго въ мало разработанную область; пришлось сдѣлать много предварительной работы, массу мелкихъ изслѣдованій, результатомъ чего и было превращеніе моего введенія, которое предполагалось весьма краткимъ, въ цѣлую книгу. Мнѣ не удалось даже издать всего введенія, т. е. разбора русско-польскихъ отношеній до половины XIV в., а пришлось прервать мой трудъ на срединѣ, ибо остальныя части моей работы я еще не считаю достаточно законченными для печати. Вслѣдствіе этого, многіе изъ выводовъ, сдѣланныхъ мною на основаніи изученія дальнѣйшаго матеріала, выводовъ совершенно доказательныхъ для меня, могутъ показаться читателю моей книги не всегда убѣдительными, что налагаетъ на меня обязательство скорѣйшаго продолженія моего труда.

Позволю себѣ изложить здѣсь, въ самыхъ общихъ чертахъ, главные выводы, къ которымъ я пришелъ на основаніи изученія всего періода, занимающаго меня.

До самой средины XIV ст. отношенія южной Руси къ Польшѣ мало чѣмъ отличались отъ ея отношеній къ другимъ сосѣдямъ; сношенія съ Польшей были быть можетъ оживлены, но говорить объ исключительномъ вліяніи Польши на развитіе южной Руси до половины XIV в. нѣтъ никакихъ основаній. Въ южной Руси сталкивались разныя культуры, но ни одна изъ нихъ не имѣла преобладающаго вліянія (я понимаю здѣсь западныя культуры, ибо сильное вліяніе Византіи и въ южной Руси, какъ и въ остальныхъ нашихъ областяхъ, не подлежитъ сомнѣнію).

Въ XIII в., благодаря благопріятнымъ историческимъ условіямъ,

между прочимъ и весьма слабому гнету татаръ на эту часть Руси, южно-русское государство достигло весьма значительной степени и политическаго могущества и культурнаго развитія. Можно было, повидимому, весьма многаго отъ него ожидать. Оно обѣщало дать намъ образецъ славянскаго государства съ самобытной внутренней организаціей, но свободнаго отъ той исключительности, нетерпимости и замкнутости, какою отличилась позже Русь Московская.

Причины паденія южной Руси до сихъ поръ не совсѣмъ ясны, но можно думать, что одной изъ главныхъ причинъ этого печальнаго явленія былъ внутренній разладъ въ ней самой, экономическій гнетъ однихъ классовъ общества надъ другими. Быть можетъ въ этомъ явленіи и кроется одна изъ причинъ слабаго сопротивленія ея населенія чуждымъ завоевателямъ.

Послѣ захвата южной Руси Польшѣ представился удобный случай вплотить родственный по происхожденію народъ въ свои нѣдра. Для этого требовалось только сохранить за населеніемъ права языка и религіи, дать краю мѣстную автономію и законодательнымъ порядкомъ облегчить участь массъ народныхъ и тѣмъ заслужить ихъ вѣчную благодарность. Задача каждаго государства, составленнаго изъ разнородныхъ частей — путемъ улучшенія быта народнаго провести въ мысль разныхъ племенъ, его составляющихъ, желаніе соединенія въ одну націю съ централизующей группой, провести это желаніе реальнымъ доказательствомъ выгодъ отъ такого соединенія. Польша этого не хотѣла понять, а потому сначала потеряла южную Русь, а затѣмъ, вслѣдствіе внутренней дезорганизаціи, и сама пала.

Таковы главные выводы всей моей работы, какъ изданной, такъ и еще неизданной.

Позволю себѣ сказать еще нѣсколько словъ о мотивахъ, вызвавшихъ мою работу.

Она явилась у меня, какъ у уроженца юго-западнаго края, края, долго находившагося подъ польскимъ владычествомъ, явилась естественнымъ желаніемъ уяснить себѣ отношенія мѣста своей родины къ тѣмъ началамъ, которыя долго въ ней господствовали и отъ которыхъ мой родной край лишь недавно сталъ освобождаться. Я искалъ въ исторіи отвѣта на издавна поставленный вопросъ—объ установленіи modus'a vivendi нашего съ поляками. Я обратился къ тому періоду, когда Русь находилась въ томъ же положеніи по отношенію къ Польшѣ, въ какомъ находится теперь Польша въ отношеніи насъ. Я искалъ причинъ, почему уже на самыхъ первыхъ порахъ польское владычество не пришлось по сердцу Руси, почему Польшѣ не удалось сплотить русскихъ и поляковъ въ одну націю, не смотря на множество благопріятныхъ для этого условій. Я уже

далъ выше отвѣтъ на этотъ вопросъ: Польша не умѣла съ первыхъ же временъ своего владычества на Руси создать основнаго условія для сліянія русскихъ въ одну націю съ поляками—общности интересовъ у всѣхъ классовъ населенія Руси съ Польшей. Она создала эту общность только для однихъ высшихъ классовъ, а потому и потерпѣла полное fiasco.

Мнѣ кажется, что такія историческія справки, исходящія отъ современности, не только не безполезны, но, напротивъ, вполнѣ необходимы. Въ настоящее время наука еще слишкомъ аристократична, слишкомъ игнорируетъ запросы жизни. Оттого-то у насъ и существуетъ ненормальное разобщеніе между наукой и публицистикой. Послѣдняя берется за жизненные вопросы, но въ большинствѣ случаевъ не имѣетъ достаточнаго научнаго багажа, а добыть ей этого багажа неоткуда, ибо наука слишкомъ напираетъ на свою объективность, боится запросовъ жизни. Но пока жизнь представляетъ собою борьбу (а едва-ли когда либо борьба исчезнетъ изъ жизни), наука обязана участвовать въ этой борьбѣ и ея участіе въ этомъ отношеніи должно выражаться главнымъ образомъ въ отвѣтахъ на запросы жизни.

Положенія къ диссертаціи И. А. Линниченко:

«Взаимныя отношенія Руси и Польши до половины XIV ст. Часть I. Русь и Польша до конца XII в.».

1) До конца XII в. не можетъ быть рѣчи о культурномъ вліяніи Польши на южную Русь, ибо Польша этого времени стояла скорѣе ниже, нежели выше Руси въ культурномъ отношеніи.

2) Хотя съ XIII ст. сношенія южной Руси съ Польшей стали весьма оживлены, но до самой половины XIV ст. развитіе южной Руси шло совершенно самостоятельно.

3) Особенный характеръ южно-русскаго боярства не есть продуктъ вліянія Польши или Венгріи, а результатъ особенныхъ условій Галицкой земли; малочисленности княжеской семьи при обширности территоріи.

4) Взаимообщеніе Руси и Польши до конца XII в. въ отношеніи политическомъ выражалось главнымъ образомъ во взаимной помощи вооруженной силой въ критическіе моменты княжескихъ династій обоихъ народовъ.

5) Даже походы обоихъ Болеславовъ, Храбраго и Смѣлаго, въ Русь не имѣли специально завоевательной цѣли, а предоставляли лишь военную помощь дружественнымъ и родственнымъ русскимъ князьямъ.

6) До половины XIV ст. не могло существовать племенной вражды между населеніями Руси и Польши, ибо для нея не было никакой реальной основы. Наоборотъ, оживленныя сношенія обоихъ народовъ значительно сближали ихъ; разъединеніе Руси и Польши началось лишь со времени перехода южной Руси подъ польское владычество и совершилось на почвѣ экономической и религіозной путемъ шляхетско-католической политики Польши. Претвореніе русскихъ началъ на польскій ладъ оказалось дурной политиче-

ской мѣрой, ибо имѣло въ виду лишь интересы высшихъ классовъ русскаго общества.

7) Въ общей суммѣ брачныхъ союзовъ русскаго княжескаго дома съ иноземными княжескими семьями до конца XII в. весьма значительный процентъ падаетъ на союзы съ Пястами. Однако русскія княжны чаще выходили замужъ за польскихъ принцевъ, нежели польскія за русскихъ; это доказываетъ, что въ Польшѣ болѣе нуждались въ русской помощи, нежели обратно.

8) Политическое значеніе брачныхъ союзовъ русскаго княжескаго дома съ иноземными княжескими фамиліями слабѣе значенія между княжескихъ союзовъ на Западѣ вслѣдствіе отсутствія въ удѣльно-вѣчевой Руси вотчиннаго права князей на территорію и отсутствія вслѣдствіе этого и земельнаго приданаго.

9) Перемѣна религіи при международныхъ бракахъ съ представителями западнаго исповѣданія не была въ первую половину удѣльно-вѣчеваго періода (даже до конца XII в.) conditio sine qua non.

10) Этнографическое распространеніе русскаго населенія на западъ шло издревле за границы политическихъ предѣловъ русскаго государства. Собрать всѣ свои этнографическія части въ одно политическое цѣлое не удалось ни старой, ни новой Руси.

11) Въ періодѣ удѣльно вѣчевомъ мы притомъ и не замѣчаемъ сознательнаго стремленія русскихъ князей къ объединенію русскаго племени. Попытки южно-русскихъ князей захватить части польской территоріи, частью заселенной русскимъ племенемъ, объясняются необходимостью установить естественныя границы со стороны Польши.

12) Древніе пути изъ Руси въ Польшу значительно видоизмѣнились въ XIII и XIV в. вслѣдствіе возникновенія въ южной Руси новыхъ городовъ, перетянувшихъ къ себѣ всю южно-русскую торговлю.

13) Торговыя сношенія Руси съ Польшей до XIII в. не были особенно значительны. Польша имѣла въ это время главнымъ образомъ значеніе транзитнаго пункта для торговли Руси съ Западомъ.

14) Католическая пропаганда изъ Польши въ Русь началась очень рано. Уже въ XII в. Польша считаетъ пропаганду въ Русь своей миссіей, но до самой средины XIV ст. католическая пропаганда изъ Польши не имѣла успѣха на Руси; основанное въ XIII ст. для Руси епископство въ Любушѣ было лишь епископствомъ in partibus.

a) При изученіи общественныхъ элементовъ удѣльно-вѣчевой Руси необходимо разсматривать ихъ по областямъ, на которыя распадалась древняя Русь, ибо общія всему русскому племени начала общественнаго устройства значительно видоизмѣнялись по отдѣльнымъ землямъ вслѣдствіе спеціальныхъ условій исторической жизни каждой изъ нихъ.

b) По группировкѣ общественныхъ элементовъ древне-русскія княжества удѣльно-вѣчеваго періода можно раздѣлить на 4 типа: типъ сѣверо-западный (Новгородъ, Псковъ, Смоленское и Полоцкое княжества), типъ сѣверо-восточный (Суздальское княжество), типъ юго-восточный (Кіевское и Сѣверское княжества) и типъ юго-западный (Галичъ и Волынь).

c) Философское образованіе вполнѣ необходимо для историка; только оно одно, указывая связь исторической науки съ другими вѣтвями знанія, сообщитъ историку вкусъ къ историческому изслѣдованію, т. е. дастъ ему умѣнье выбирать изъ массы историческихъ вопросовъ вопросы болѣе жизненные и насущные для изслѣдованія и во-время укажетъ ему тотъ предѣлъ, гдѣ кончается необходимость въ историческомъ изслѣдованіи и гдѣ начинается то, что при данномъ состояніи исторической науки слѣдуетъ въ ней считать пока еще роскошью.